

В.Н. СТРАХОВ

Воспоминания об отце и учителе

Еще ряд по-моему очень очень показательных и важных фактов.

1. О терпении и увлеченности Н.М., его работоспособности свидетельствует то, что он не менее 5 лет (1962–1967 г.г.) работал (из-за болезни) за конторкой (стоя), простаивая (без разминки) за ней по 2–3 часа, а в день – 7–8 часов. Я пробовал так писать – и через час-два полностью выдыхался.

2. Н.М. почти никогда не читал лежа – только в последние годы жизни он иногда это делал.

3. Работы свои Н.М. обдумывал долго и приступал к работе только тогда, когда в голове все вырисовывалось. Однако в процессе писания он многое додумывал, шлифовал мысль. Это приводило к тому, что он любую работу (особенно – после 50 лет) переделывал не менее 2-х раз, иногда по 3–4. Из "очень быстрых" статей я могу указать только его классическую работу по диагенезу осадков (кажется он писал ее в конце 52 г. – начале 53 г.), которая – от замысла до завершения – была выполнена им за 2 месяца.

4. Еще о терпении и работоспособности. В начале 70-х годов Н.М. занялся разбором работ А.Б.Ронова. В этой связи он много вычислял; одной из форм проявления гипертонической болезни и склероза было то, что он часто ошибался в умножении и делении. Так вот, каждую выкладку он проводил не менее 5–7 раз, пока не убеждался, что результат верен – и не желал прибегать к посторонней помощи (только расчет, который был им "отделан", он изредка просил проверить меня – "для страховки", как он выражался).

5. Писал Н.М. очень много, но неторопливо; почерк у него был мелкий, убористый, он многое исправлял по ходу письма, машинисткам всегда приходилось "тяжко". Только Мария Петровна Симонова (в 50-е годы) и Калерия Борисовна Соколова (в 70-е) достаточно быстро его текст читали и печатали. Напечатанный текст он всегда снова правил и большую часть перепечатывал.

6. При всей целеустремленности творчества Н.М. он почти никогда не составлял каких-либо черновых планов-программ для себя, все "носил в голове". Не вел он разных книг записей "Дела", годовых журналов, дневников и т.д. В этом была важная особенность его творческой манеры, его рабочего стиля - и в этом проявлялась его огромная "долговременная" память. Он никогда не делал никаких конспектов прочитанных работ - а помнил их многие годы. Очень интересно было бы подсчитать, сколько всего (суммарно) работ было им процитировано^{х)}. А ведь он никогда не делал ссылок на работы, которые лично не штудировал.

7. Писал Н.М. школьной ручкой со стальным пером, синими чернилами, практически не писал авторучкой (в последние годы жизни авторучкой писал в основном записки). Он вел большую переписку, но где большая часть его писем - не знаю.

8. Н.М. никогда не имел большого личного архива; чужие письма он начал сохранять - и далеко не все - лишь в 60-е годы. Рукописи свои, после выхода работ из печати, во время периодических "чисток" письменного стола уничтожал - и хранить их было негде, да и сам Н.М. не считал, что они представляют собой какую-либо ценность. Из своих книг он часто делал вырезки и вставлял их - как часть текста - в новые рукописи. То же и с рисунками.

9. Простота и скромность Н.М. очень отчетливо проявлялись в личной жизни, особенно в последние годы. Он никогда не носил орденов (не надевал даже по торжественным случаям; всего несколько раз в жизни он надевал по каким-то поводам знаки Лауреата Ленинской и Государственной премии; даже орденских колодок у него не было). Не было - и он к этому и не стремился - ни дачи, ни автомобиля, ни разных других "явных примет" состоятельности.

10. Н.М. любил размеренный рабочий ритм жизни; на работу ездил

^{х)} Я думаю, это будет цифра не менее 4000-5000.

далеко не каждый день, в 50-ые годы (при 6-дневной рабочей неделе) — не менее 3-х раз, но не более чем на 4-5 часов. В 60-ые годы обычно бывал в Ин-те по 2 дня, в 70-ые — и того реже. В эти годы книги, перепечатанные рукописи и т.д. ему по большей части возили сотрудники.

Рабочий день (домашний) в 50-ые годы проходил примерно так: вставал Н.М. в 7 часов и работал до $8\frac{1}{2}$ — 9 часов (до завтрака; в эти годы Н.М. физзарядку не делал, она вошла у него в привычку в 60-ые годы). После завтрака Н.М. опять работал — до 2-ух часов дня. В 2 ч. — обед, послеобеденная прогулка (обычно — 2 часа; в последние 5-6 лет Н.М. стал гулять до обеда, по I,5-I ч., после обеда отдыхал и иногда спал; до 67 года (до операции) он не спал днем никогда) и далее — отдых (обычно — чтение беллетристики) до $5\frac{1}{2}$ — 6 часов. С 6 до II Н.М. опять работал, в II ч. ложился спать. Телевизор он в 50-ые годы смотрел не часто, обычно по субботам и воскресеньям вечером, по 2-3 часа (не более) — особенно интересные передачи. В 70-ые годы он телевизора практически не смотрел — из-за отсутствия слуха плохо его воспринимал и быстро уставал (все силы отдавались работе). В 50-ые годы гости у Н.М. бывали редко — но уже гораздо чаще, чем в 40-ые годы, когда в семье они появлялись не более 10 раз в год (большей частью родственники; бывали Е.В.Шанцер и Т.М.Микулина, другие практически в гостях не бывали, а лишь изредка приходили по делам — Д.Г.Сапожников, Д.А.Виталь, Н.Г.Бродская, Э.С.Залманзон и некоторые другие).

Гости стали чаще бывать в 60-ые годы, когда Н.М. стал жить один (умерли отец, жена и сын, второй сын женился и жил отдельно).

II. Н.М. никогда не вел пустых светских бесед и сплетнических разговоров; обычно беседы касались либо вопросов литературы и искусства, либо политических проблем, но в основном они велись на профессиональные темы; даже те беседы, которые начинались с одного,

потом так или иначе переходили на научные вопросы. Лишь в конце жизни (с середины 60-х годов) Н.М. стал много говорить о своем здоровье, ибо с вопросов о состоянии здоровья посещавшие его обычно начинали разговор.

Как правило, Н.М. сразу овладевал разговором и направлял его в нужное русло; очень часто он переходил на изложение тех положений, над которыми он в данный момент работал. Он как бы проверял свои построения на реакции собеседника. Часто разговор переходил на демонстрации схем, графиков, таблиц. Я думаю, что такие разговоры многое давали Н.М. - в устном изложении он еще и еще раз оттачивал формулировки, часто получал от собеседников ценные факты и замечания.

Н.М. очень любил излагать в беседе впечатления от прочитанных литературных (беллетристических) произведений (но почти никогда - от спектаклей), давал меткие характеристики персонажам.

Говорил Н.М. почти всегда очень одушевленно, его дар убеждения часто раскрывался с особой силой.

Особенно одушевлялся Н.М. в беседах с женщинами (правда, здесь речь идет о периоде после 63 г. - после переезда Н.М. на квартиру на ул. Губкина, д. 4, кв. I). Женский ум и наблюдательность Н.М. очень ценил, ему было приятно нравиться женщинам (и это очень и очень не импонировало его суровой домработнице 63-67 г.г. Нине Антоновне - забыл фамилию). Воодушевляясь, Н.М. становился весел, шутил, смеялся - и часто острил, иногда довольно зло. Но даже с женщинами Н.М. никогда не занимался пустой болтовней и светским злословием.

Надо сказать, что в последние годы жизни гости служили для Н.М. одним из источников снятия душевного напряжения.

В 60-ые - 70-ые годы у Н.М. часто бывали С.М.Андронов (в основном - в 60-ые годы), М.А.Глаголева, Л.В.Власова, Т.П.Жузе, М.Г.Ва-

ляшко, В.Н.Холодов, Н.А.Лисицына, А.И.Осипова, В.В.Калиненко, М.В.Пастухова и другие^{х)}. Особенно часто в 70-ые годы Н.М. посещали В.В.Тихомиров и Н.Б.Вассоевич. Проездом заходили Н.В.Логвиненко, И.В.Запорожцева, М.П.Фивег – и многие другие, фамилий которых уже не помню.

12. В целом Н.М. не любил административной деятельности и пустого времяпрепровождения времени. В 60-ые годы (точно год не помню) ему, как он мне передавал, предложили стать академиком-секретарем Отделения геологии и географии, но он отказался. В 60-ые годы он ряд лет (кажется, 5) был членом президиума ВАС, но никогда не ездил на заседания, а присылаемые ему (с курьером!) пакеты из ВАС'а выбрасывал, не вскрывая (Он говорил: – "Посадили меня туда, не спрашивая, а я этой канцелярщиной заниматься не намерен). Зато, будучи членом редколлегии ДАН СССР, все до единой представляемые статьи читал и представлял далеко не все. Из научно-организационной деятельности вел лишь (с охотой) ту, которая – как он считал – служит живому и нужному делу.

13. Н.М. был очень сдержан в оценке своих трудов, хотя, безусловно, понимал их значение. Лишь в 70-ые годы у него образовалась ^{новой} привычка (которой многие грешат всю жизнь) при просмотре работы начинать со списка литературы – есть ли ссылки на его труды.

Он любил науку. а не себя в науке. Только в 70-ые годы он стал обращаться к своему жизненному пути, к самооценке сделанного, но без малейшей самовлюбленности или рисовки. Из своих работ он выше всего ценил "Железорудные фации", "Историческую геологию" (3 изд., 1948 г., написана она была в 45-46 г., помню, что отец самозабвенно работал практически каждый вечер с 7 до 12 ч., после трудового дня – а ведь он работал в ГИН'е, и во МГРИ – преподавал) и "Основы теории литогенеза". Считал, что монография по марганцевым рудам не

^{х)} Забыл! – надо отметить И.И.Волкова, Э.А.Остроумова, Б.П.Епифанова.

удалась. Удивлялся, что "История литогенетических идей" была встречена так холодно, и, по-видимому, не хотел сам себе признаваться в том, что в ней он в какой-то мере нарушил научную этику - дал изложение, критический разбор и (отчасти) самооценку собственного вклада в развитие литологии. (Думаю, что эта работа Н.М. еще должным образом не оценена именно по этой привходящей причине и труд Н.М. является фундаментальным и основополагающим).

14. Н.М. никогда не курил. Выпивал он очень редко, только по большим праздникам (Новый Год, Май, Ноябрьская годовщина и т.д.), и очень умеренно; в 40-50-ые годы по 4-5 маленьких рюмок портвейна, в 60-ые и 70-ые - по 1-2 бокала шампанского. Н.М. никогда не работал по ночам, не принимал возбуждающих средств. Кофе пил редко, в основном в 60-70-ые годы. Спорт Н.М. совершенно не интересовался, спортивных передач по телевидению практически никогда не смотрел - только в 70-ые годы несколько раз смотрел фигурное катание и бокс(!). (Помню, Н.М. однажды мне говорил: - "В молодости я был большой шалун, один раз с приятелем я выпил вдвоем целую большую бутылку портвейна!". Н.М. очень переживал, что и я, и брат Геннадий курим и, по его оценке, очень много пьем).

15. Особенно надо сказать о том, что Н.М. всю свою жизнь много болел. Годы 1937-1939, когда более $1\frac{1}{2}$ лет он был прикован к постели, я знаю только по семейным воспоминаниям (Н.М. было разрешено работать дома). После операции 39 г. (у Н.М. была липома на бедре, но профессор Бом ставил ему диагноз "туберкулез трахантера" и во время операции отсекал часть головки бедра, но никакого туберкулеза не обнаружил) Н.М. сильно мучился с ногой и мало двигался - болел шов (вшили нерв в шов). В 50-ые годы (примерно с 56 г.) Н.М. бывал в больнице много раз - дважды у Фрумкина в связи с камнями в мочеточниках, дважды в Боткинской больнице в связи с проктосигмоидитом. Начиная с 58 г. по 61 г. каждый год лежал в больнице у проф. Рыжика

- в связи с проктосигмоидитом. В 60-ые и 70-ые годы Н.М. почти каждый год бывал в больнице (грыжа, гипертония и ряд других причин). В 1976 г. у него был инфаркт легкого - случился уже в больнице от укола гидрокортизона в голеностопный сустав. В 1977 г. в конце августа у него случился первый инфаркт (стенокардия у него началась в 1976 г. - в конце).

Операций в своей жизни Н.М., как он сам мне говорил, перенес 7, из них я помню такие: а) бедра в 39 г.; б) эрозии прямой кишки во время войны; в) грыжи в 60-ые годы - дважды, кажется, в 62 и 64 г.г.); г) аденомы предстательной железы в конце 67 г. (ноябрь).

По моим подсчетам, Н.М. провел в больницах около 3-х лет жизни ("чистого времени", как теперь говорят по-хоккейному).

Особо следует рассказать о том, что после операции 67 г., на почве лечения антибиотиком неомицином (после операции аденомы) у Н.М. образовался неврит слуховых нервов и после 73 г. он практически ничего не слышал - даже со слуховыми аппаратами. Лечение же неомицином было проведено потому, что у Н.М. была аллергия к обычным антибиотикам (пенициллин, стрептомицин), и неомицин был назначен по рекомендации специального консультанта - проф. Маршак. Но по моим наблюдениям, вместо 5 дней, по забывчивости ординатора, Н.М. давали неомицин 7 дней. После операции у Н.М. было тяжелое осложнение - пиелонефрит. Пробыл он в больницах тогда (сначала в 67, потом в академической) в сумме около 3-х месяцев.

Потеря слуха (при резком прогрессировании неврита Н.М. писал "Историю развития литогенетических идей", хотя задумана работа была еще до операции - было подготовлено много материалов) переживалась Н.М. очень тяжело. Она служила источником большой психологической нагрузки все 70-ые годы.

Поэтому жизнь и творчество Н.М. нельзя не оценить как большой человеческий подвиг - что бы ни было, какие бы болезни и несчастья

Н.М. не переносил - он всегда работал, работал и работал. Без понимания этого момента оценка Н.М. как ученого и человека всегда будет неполной.

16. Н.М. был очень хороший семьянин. Никаких свар, дразг и скандалов в семье никогда не бывало. Причины этого - характер Н.М., любовь к нему матери, высокое уважение отца (отца) Михаила Васильевича, всех родных. Все видели в Н.М. выдающегося человека и его суждения были непререкаемы; все важнейшие решения по семейным делам принимались по его предложениям, которые всегда были направлены на общее благо семьи. Свою роль в семье он в первую очередь видел в ее материальном обеспечении, и вплоть до избрания членом-корреспондентом в 1946 г. много работал для заработка (преподавал), так как Михаил Васильевич по возрасту уже не работал, и мать большей частью тоже (по скрытой болезни - коллагенез, или системная красная волчанка, что выяснилось только в 1959 г., за несколько месяцев до смерти). В тяжелые годы войны и в послевоенные годы отец много помогал по домашнему хозяйству Михаилу Васильевичу и Александре Васильевне, вплоть до мытья полов, хождения по магазинам и т.д.

17. Воспитанием детей (брата Геннадия и меня) отец в прямом смысле слова занимался мало. Еще с братом Геннадием у него бывало много разговоров по его художественным работам, по вопросам музыки и т.д., но это были не столько беседы отца с сыном, сколько разговоры равных любителей. Воспитанием детей в основном занимались мать и дед (особенно много Михаил Васильевич, бывший народный учитель, занимался с братом Геннадием, который с I-го по 7-ой класс учился в общеобразовательной школе и был не очень силен по физике, математике, химии и т.д.). Однако общие суждения и взгляды отца, часто высказываемые по тому или иному поводу, безусловно усваивались детьми и в этом смысле он оказывал большое формирующее влияние на детей в более позднем возрасте - после 10-12 лет. А вообще он

воспитывал, так сказать, своим примером. И в науке, хотя он никогда не занимался геофизикой, воспитал меня Н.М.

18. Вся семья, и в первую очередь Н.М., была глубоко атеистичной. И никто ни в жизни, ни перед смертью (М.В. умер 7 августа 1954 г., мать 13 сентября 1959 г., отец 13 июля 1978 г.) никогда не молился, не обращался к богу. Отец рассказывал, что хотя в детстве семья М.В. была более или менее религиозной (М.В. - формально, Александра Денисовна, мать Н.М., - глубоко верующей, в каковом духе и пыталась воспитывать детей, но мешало равнодушие М.В.), но сам он сделался атеистом довольно рано, лет в 12-14, и толчком к этому послужила его болезнь - аппендицит. Операции Н.М. не делали, болел он долго^{х)}, как говорится - чудом выжил; мать много молилась и просила бога о помощи, но выздоровление все не намечалось, и это очень критически в отношении религии повлияло на отца. Вообще в семье никогда и намека на веру в бога не было - даже в самые тяжелые моменты. Так что нам с братом атеизм достался как бы даром, без малейших раздумий.

Суеверий (веры в приметы и т.д.) в семье также никогда не водилось.

В парапсихологию Н.М. никогда не верил, считал это чепухой; в сны тем более.

19. С родными Н.М. всегда старался поддерживать контакты и много помогал им материально. Примерно с 1953 г., около 12 лет подряд, отец высылал по 1000 р.^{хх)} (по тогдашним понятиям - немалая сумма) в г. Ленинград, младшей сестре Анастасии Михайловне на воспитание ее детей - дочерей Эльвиры и Татьяны (в это время А.М. уже была вдовой). В 30-ые и 40-ые годы всегдашними гостями по праздни-

^{х)} Кажется, месяца 1,5.

^{хх)} 100 р. на новые деньги.

кам бывали Лозбинева - Мария Васильевна (младшая сестра матери), ее муж Николай Петрович, дети Николай и Владимир. В 40-ые годы (послевоенные) часто приходили Тася, Верочка и Петя Жадновы - дети старшей сестры матери, Веры Васильевны, которые учились в Москве в ВУЗ'ах. В 50-ые годы часто приезжали двоюродные сестры Н.М., Гороховы - Марья Алексеевна и Нина Алексеевна, раза два приезжал их брат Павел Алексеевич. Им (то-есть Марье и Нине Алексеевне) отец тоже всегда помогал материально, хотя и спорадически.

20. Н.М. мало поддерживал личных связей с академической элитой и совсем не ездил за границу (хотя в 60-ые годы такие поездки ему не раз предлагались). Здесь, мне кажется, играла роль сложная гамма факторов - и застенчивость, боязнь показаться не на уровне в смысле общей культуры (я уже писал, что ни на одном из иностранных языков отец не говорил), и некая определенная гордость (хотя по существу Н.М. **никогда** гордецом не был). До 57-го года я вообще не помню, чтобы к Н.М. кто-либо из академиков или членов-корреспондентов приходил домой.

В 60-ые - 70-ые годы изредка приходили к нему немногие - А.А.Сауков, П.Н.Кропоткин, В.В.Меннер, Н.Б.Вассоевич (последние годы ходил, вместе с Влад. Влад. Тихомировым, довольно часто). По служебным и личным делам бывали многие - но это другой мотив.

Конечно, Н.М. был знаком со многими академиками и членами-корреспондентами, и не только по профессиональной линии (знакомства заводились часто по линии санатория Узкое; после 1953 г. отец отдыхал там очень часто, по крайней мере 15-18 летних отпусков он провел там).

Грубо выражаясь, Н.М. любил заводить знакомства с людьми попроще (менее титулованными), с ними он чувствовал себя свободнее.

21. У Н.М. был ярко выраженный литературный талант, он был и яркий (по особому) ораторский дар. Н.М. был безукоризненно грамотен

(я лично не помню ни одной грамматической ошибки); общая эрудиция обеспечивала свободное обращение с терминологией и иностранными словами. С композицией статей (и даже книг) Н.М. никогда не испытывал ни малейших трудностей. Очень и очень любил писать подробно и, я бы сказал, дидактично, что проявлялось в большом обилии курсива. (Здесь, по-видимому, сказывался и его педагогический опыт — по всем отзывам, он был прекрасный педагог; педагогические способности его проявились уже во время его преподавания в средней школе в 1919–1922 г.г., о чем часто говорила мать — она у него училась в старших классах). Писал отец простым языком, без кудрявостей и чисто литературных красот — стиль его был строгий.

Н.М. страшно не любил, чтобы его правили литературные редакторы — их деятельность он считал ненужной вообще (да те и боялись, в общем-то, править рукописи академика; как было дело в более ранние годы, не знаю). Думаю, что анализ (профессиональный) литературной манеры Н.М. мог бы быть очень интересным и поучительным.

Говорил Н.М. также всегда просто, правильно — и часто образно, хотя цитировал обычно мало. Речь его всегда была эмоционально окрашена, отличалась логикой и убеждала. Вообще у Н.М. был дар убеждать; спорить с ним было очень трудно и это удавалось немногим.

Дар убеждения — это еще очень и очень важная сторона таланта Н.М. в целом. А также дар излагать сложное просто.

Н.М. никогда в жизни не отдавал в печать неотделанных не только в смысловом, но и в чисто литературном отношении, статей, тем более — книг. Я думаю, что все ^{эти} знают и в этом была одна из отличительных черт его рабочего стиля.

22. Н.М. был книголюбом в широком смысле этого слова, но никогда не был коллекционером. Втайне всякое коллекционирование считал баловством ("человек с жира бесится").

23. Н.М. ценил и уважал в людях прежде всего человеческие ка-

чества, а уже потом — талант и внешний успех. "Умный мужик" ^{х)} — часто резюмировал он свои впечатления от разговоров со случайными собеседниками (например, малярами, ремонтировавшими квартиру, шоферами из академического гаража и т.д.). Не любил курящих и всячески осуждал выпивку. Гостей принимал, как он говорил, по-студенчески — чай и разговор.

В гости сам ходил редко — чувствовал себя в гостях скованно; в последние 10 лет этому мешало и состояние здоровья.

От людей (в быту) требовал самостоятельности; считал, что муж ^{в первую очередь} должен содержать семью, а жена должна быть матерью и воспитывать детей. В этом смысле он придерживался старых взглядов.

Брюзжанья по поводу молодежи у него никогда не было — правда, он ее особенно и не знал последние 10–15 лет.

24. Н.М. считал, что он "нетипичный геолог". "Типичный геолог работает в поле, непосредственно наблюдает факты, собирает материал, а я просто литературный работник" — часто говорил он. Думаю, что некоторая доля рисовки в этом была, но что он переживал свою оторванность от экспедиционной работы — это безусловный и неоспоримый факт. Несомненно, что он отчасти завидовал тем геологам, которые до поздних лет могли ездить на полевые работы. Мне довелось в 1945–1946 г.г. и в 1950 г. вместе с отцом работать в экспедициях (в эти годы нога ему почти не доставляла неприятностей), — первые годы (45–46) в Кулундинской степи на озерах, в 50 г. в Поволжье (на Яблоне-вом овраге). Было видно, какое большое удовлетворение (можно даже сказать — наслаждение) доставляла отцу полевая работа — изучение природных фактов, каким он был любознательным и тонко подмечающим массу деталей, ускользающих от внимания всех других, наблюдателем.

^{х)} или "умная баба".

Вообще Н.М. очень любил природу во всех ее проявлениях, неплохо знал растительный мир, почвы и т.д. Он всегда пытался прививать любовь к природе детям.

25. В последние годы жизни Н.М. часто бывал в депрессивном состоянии (вообще-то до 70 г. я помню только две сильных депрессии у Н.М. - после смерти матери в 1959 г. и смерти брата Геннадия в 1960 г., о чем подробнее будет сказано ниже). В эти минуты он часто говорил о том, что его научная деятельность не удалась - ему не удалось создать такую школу, воспитать таких учеников, которые могли бы развивать его идеи дальше - не формально, а по существу, работать на основе той же методологии, которая им использовалась, в частности - на основе сравнительно-литологического метода. Мне кажется, в каком-то отношении Н.М. был прав - учеников-продолжателей его дела, равных ему (или превосходящих его) по силе таланта ему воспитать не удалось, общее число прямых учеников было невелико, а в настоящее время почти все (и в первую очередь - "сильные научного мира") любят более утверждать что-то свое, нежели развивать чужие идеи. Что касается сравнительно-литологического метода, то для овладения им нужна, по-видимому, очень и очень большая гибкость и сила мышления; если угодно - подлинное владение диалектикой природы, что встречается не так уж часто.

Будущее должно показать, насколько прав или неправ был Н.М. в своей оценке перспектив развития того направления в науке, которому он отдал жизнь.

Я думаю также, что он не понимал (да и не мог понимать), что он сам представлял собой редчайшее (уникальное) явление в геологии, что иметь таких же учеников, как он сам - дело необычайно сложное (почти невозможное).

26. Н.М. очень тяжело переживал потерю близких. У Н.М. было два брата - Серафим и Павел. Серафим погиб около 1930 г. в Ленин-

граде (на него был сделан какой-то нечестный навет, и он в состоянии шока застрелился). Брат Павел погиб во время войны в Крыму (где он жил с семьей), где он партизанил (дочери брата Н.М. всю жизнь помогал).

Смерть деда моего, Михаила Васильевича Страхова, имела место в 1954 г. (17 августа), в это время я был в Сибири на преддипломной практике. По возвращении в начале октября я застал отца в заметно подавленном состоянии — но было видно, что самое тяжелое уже позади. В это время он уже писал "Основы теории литогенеза" и работа сильно помогала ему преодолеть депрессию. В ноябре-декабре он много хлопотал об устройстве памятника Михаилу Васильевичу в крематории — сам выбирал лабрадоритовую плиту, нанимал мастеров и следил за их работой.

13 сентября 1959 г. в Боткинской больнице скончалась Александра Васильевна Страхова, с которой Н.М. прожил долгую и в целом счастливую жизнь. Я пишу "в целом" только для того, чтобы подчеркнуть, что на годы их совместной жизни выпало и немало трудных лет — война, болезни и т.д. Последние годы жизни (1956–1959) мать очень тяжело болела (ей ставили диагноз — инфекционный полиартрит; проведенное за 2–3 месяца до смерти исследование крови дало точный диагноз — коллагеноз или системная волчанка; оказалось, что она болела ею с 1932 г.; этим объяснились и многие ее недуги всех предыдущих лет — в особенности болезнь сердца (миокардит), в острой форме вспыхивавшая в конце 30-х и середине 40-х годов). Отец тяжело переживал болезнь матери — сам (многими месяцами!) ухаживал за ней (когда она находилась дома), дежурил у нее в больнице и т.д. И ведь все это сочеталось с громадным трудом по написанию "Основ теории литогенеза" и многих других работ в эти годы. Наверное, будущий историк науки, изучая эти работы, даже не в состоянии будет подумать, что они писались человеком, который сам в эти годы тяже-

ло болел (проктосигмоидит) и у которого умирала любимая жена.

После смерти матери, похороны которой были очень тяжкими для отца, Н.М. в течение нескольких месяцев был в состоянии такой депрессии, что даже не мог работать. Такое состояние он переживал, по-моему, всего два раза в жизни (после смертей матери и брата). Н.М. был молчалив, много гулял, читал — беллетристику (просто быть без всякого занятия он вообще не мог), но совсем по-другому, чем обычно — хмуро и сосредоточенно (а обычно он читал с очень оживленным видом, часто смеялся — а смех его был исключительно живым; в такие минуты он часто подзывал меня или брата — и перечитывал соответствующее место из книги). Депрессия проходила постепенно; но через 3 (примерно) месяца отец с какой-то неистовостью принялся работать.

Смерть брата (историю которой я здесь не излагаю — эта тема требует специального рассказа) потрясла отца еще больше, ибо эта была вторая подряд (ровно через год и 2 месяца) потеря. К тому же после смерти брата отец оставался один (я в это время жил у жены), а он всегда любил крепкую семейную жизнь и тяжело переносил одиночество. После смерти брата Н.М. был в тяжелом душевном состоянии почти год, хотя и продолжал работать (не работал только месяц-полтора непосредственно после смерти).

Н.М. всегда очень бережно хранил память о близких, ухаживал за могилой в крематории на б. Донском монастыре. 4 раза в год — в день смерти матери 13 сентября, брата 13 ноября, в день рождения матери 10 апреля и в начале лета — мы с Н.М. ездили в крематорий, убирали могилу, сажали цветы и т.д. Если отец по болезни не мог этого сделать, очень переживал и просил меня, чтобы я сделал все лучше.

27. Особо надо рассказать о последнем браке Н.М. (на Лидии Антоновне Михалевской), ибо этот брак, по моему мнению, сыграл ро-

ковую роль в его жизни.

Мало кто знает, что юридически отец состоял в браке три раза.

Первый брак (основной) - с Александрой Васильевной Романчиковой (10/IV-1904 - 13/IX-1959), он длился с 1928 г. по 59 и был очень счастливым для отца. Мать отца очень любила, но не меньше любила и детей. Она всегда по возможности (часто болела) освобождала отца от всех домашних работ. Особенно полно осознал роль матери в своей жизни Н.М. (как и дети) только после ее смерти.

Второй брак (декабрь 1962 г. - осень 1964 г.) был по существу фиктивным, что и было впоследствии признано судом. Второй (юридически) женой Н.М. была его двоюродная сестра Нина Алексеевна Попова (в девичестве Горохова). После смерти матери и брата Н.М. очень тосковал по семейной спокойной жизни, по устроенному быту, по близкому человеку. С декабря 60 г. я с женой поселился у Н.М. на квартире на 2-ой Песчаной улице, но наша совместная жизнь не задалась - по причинам, которые здесь нет необходимости подробно рассказывать. Летом 1962 г. на дачу в Жевнево в гости к отцу приехала Нина Алексеевна Попова с сыном Павлом (она уже много лет была вдовой) и у Н.М. зародилась мысль (с моей точки зрения неразумная, о чем я ему говорил, и что его только сердило) устроить подобие семейной жизни с Ниной Алексеевной, оформив фиктивный брак (от подлинного брака Н.М. отказывался, считая его невозможным с двоюродной сестрой). В конце декабря 1962 г. Н.М. с Ниной Алексеевной брак оформили и переехали жить на квартиру по ул. Губкина, а я с женой стал жить поблизости, на ул. Ферсмана.

Однако буквально через неделю после переезда Нина Алексеевна уехала из Москвы - причиной послужила пустая размолвка (Н.М. пошел в театр не с ней, а с племянницей, Таисией Петровной Жадновой, с которой всегда ходил в театр и консерваторию последние два года). Через некоторое время Нина Алексеевна предъявила Н.М. материальные

претензии, которые были им более чем в достаточной мере удовлетворены. Однако Нина Алексеевна начала претендовать на официальный развод, и тогда Н.М. вынужден был возбудить дело о признании брака недействительным. Народный Суд не удовлетворил иск Н.М., но в Московском Городском суде в сентябре 64 г. дело было решено в пользу Н.М.

С 1963 г. Н.М. последовательно нанимал целый ряд домработниц, но, кроме одной (Нины Антоновны), все они вели хозяйство довольно плохо. А Н.М. был большим любителем чистоты и порядка в квартире, плохой быт его не устраивал. Кроме того (и это даже главное), он по-прежнему тосковал о налаженной семейной жизни. Хотя с апреля 69 г. я вновь жил вместе с ним (по причине распада своей семьи), Н.М. этого было явно недостаточно.

В конце 1967 г., как я уже писал, у Н.М. была операция аденомы предстательной железы. Восстановительный период Н.М. пробыл в академической больнице на ул. Ляпунова, где и познакомился с медицинской сестрой Лидией Антоновной Михалевской. Это была женщина лет около 58, весьма впечатляющей наружности, очень и очень нестандартная. Жизнь ее, насколько я знаю, была очень бурной (только по отрывочным разговорам выяснилось, что она была пять раз замужем и т.д.; в деталях я считаю входить неуместным).

По-видимому, именно с этого момента (вернее чуть позже) между Н.М. и Лидией Антоновной установились приятельские отношения, о чем я узнал лишь впоследствии.

Летом 1971 г. я отдыхал с сыном Сашей (которого Н.М. очень любил; весь первый год школы Сашу опекал Н.М., который приходил к Н.М. после школы и готовил, под бдительным надзором Н.М., уроки, обедал, гулял во дворе и т.д. до 6-7 часов вечера, и т.д.) в городке Богуславе под Киевом. Где-то в середине августа получаю письмо от отца, в котором он сообщил, что с 1 сентября у него будет работать "домо-

правительницей" (так он выразился) Лидия Антоновна — у которой летом умер ее муж, скрипичный мастер Добров, по национальности болгарин.

Довольно быстро между Н.М. и Лидией Антоновной начали устанавливаться очень близкие отношения, и я понял, что дело идет к браку, о котором несомненно мечтала Лидия Антоновна. Такой брак и был оформлен в конце 1972 г., после того, как 2 октября я выехал от Н.М. и стал снимать квартиру. Этому предшествовали довольно тягостные и для меня, и для отца события, о которых я здесь умолчу, и которые безусловно отняли у нас обоих много нервов и сил.

Но главные испытания ожидали Н.М. в дальнейшем. Уже в марте 73 г. Лидия Антоновна попала в больницу (по причине какого-то заболевания руки, кажется, у нее было отложение солей), где и пробыла почти два месяца (эти два месяца я снова жил у отца — по его просьбе, помогал ему по хозяйству). После больницы Лидия Антоновна до самой смерти плохо владела правой рукой, и Н.М. после долгих лет снова пришлось много заниматься хозяйством.

Лето 1973 г. Н.М. с Лидией Антоновной отдыхали в Узком; однако самочувствие Л.А. все ухудшалось. В декабре 1973 г. Л.А. обращалась к проктологу доктору Рывкину по поводу кровотечений из прямой кишки — но обследование не выявило ничего злокачественного. Здесь следует сказать, что (как выяснилось впоследствии) еще в середине 50-х годов у Л.А. была операция рака матки, и она подозревала рецидив.

Л.А. становилось все хуже, и в мае 1974 г. она вынуждена была лечь в больницу по причине непроходимости кишечника. 13 июня 1974 г. ей была сделана операция — и выяснилось, что у Л.А. раковое заболевание.

Лидия Антоновна умерла от рака в ночь с 13 на 14 июля 1975 г. (вообще число 13 было роковым для семейства Страховых; я не испытываю здесь суеверного чувства, но факт налицо). Этому предшествовали 13 тяжелейших для Н.М. месяцев. Старик 74-75 лет, он каждый день,

часто по 2 раза, ходил навещать Л.А. в больницу - и в мае-июне 74 г., и в апреле-июле 75 г. После выхода Л.А. из больницы в 74 г. до апреля 75 г. Н.М. самоотверженно ухаживал за Л.А. дома, не переставая работать. Хотя в течение ряда месяцев осенью 74 г. и весной 75 г. у Н.М. жила сестра Лидии Антоновны - Елена Антоновна и помогала вести хозяйство, психологическое состояние Н.М. было бесконечно трудным.

После смерти Л.А. лето 75 г. было дополнительно омрачено для Н.М. наследственным делом с сыном Л.А. Виктором Ефимовичем Цетлиным (или Цейтлиным). Об унижительных и совершенно несправедливых для Н.М. деталях этого дела я здесь умолчу.

Несомненно, что у Н.М. было к Лидии Антоновне глубокое чувство и он мог бы построить с ней семью, о чем он так мечтал. Но жизнь их сложилась исключительно несчастливо и отняла у Н.М. жуткое количество духовных и физических сил. За 1972-1975 г.г. Николай Михайлович постарел буквально на десять лет.

Все это я пишу не из каких-то низменных побуждений, а потому, чтобы будущий (или настоящий) историк науки правильно представлял себе обстоятельства жизни Н.М. последнего десятилетия, и мог понять, в каких условиях жил и работал тогда Н.М., какой ценой достигались им результаты. А в том, что труды, жизнь и деятельность Н.М. должны стать предметом пристального изучения историков геологии, я свято убежден. И очень жаль, что до настоящего времени многие из обстоятельств жизни Н.М. должным образом не освещаются.

28. Относительно по-настоящему счастливых (благополучных в смысле здоровья - своего и близких) периодов жизни у Н.М. было очень мало (и без понимания этого оценка его деятельности будет неполной и неверной). Я отчетливо помню лишь один такой период - годы 1952-1953 г.г. Это был период переезда на новую квартиру на 2-ой Песчаной улице (кажется, д. 5, кв. 30); до этого (с 1930 (?) по 1952 г. - осень) мы жили (исключая время эвакуации - июль 41 - сентябрь 43 г. - в Уфе) в д. 3^а, кв. 3 по 1-му Хвостову переулку (улица Б. Полянка,

недалеко от работы отца). Квартира была очень хорошая - 3 комнаты 65 кв. м, на 3 этаже, в новом доме. Мать чувствовала себя достаточно хорошо, дедушка в общем был стар, и похварывал, но он был очень терпелив и не жаловался. Кончилась (победой Н.М.) дискуссия с Пустоваловым, я (успешно) учился во МГРИ, брат Геннадий - в Ленинграде, в Высшем художественном училище им. Мухомовой и тогда не болел (чуть позже у него опять начались неприятности с глазами). Отец только что закончил писать коллективную монографию "Современные осадки" и уже начинал обдумывать "Основы теории литогенеза". Именно в этот счастливый период к нам начали чаще ходить в гости. Отец был радостен, в приподнятом настроении. Все ему удавалось - статью о диагенезе он "сделал" (от начала до конца) за два месяца.

Во время выборной кампании отец был достаточно спокоен, хотя и чувствовалось, что итоги выборов ему не безразличны. Однако каких-либо длительных и постоянных обсуждений шансов и т.д. в семье не было - и Михаил Васильевич, и мать были твердо уверены, что отца непременно выберут. Поэтому какой-то особой бурной радости после избрания не было.

29. Мне кажется, что истинный период расцвета научной деятельности отца - это период с 1945 по 1965 г., то есть от 45 до 65 лет. Сам по себе этот факт очень замечателен - бытует мнение, что великие дела творятся в молодости, что после 40 лет большинство ученых питаются ранее найденными идеями и т.д. Н.М. же любил иногда говорить, что то, что дольше зреет, лучше плодоносит.

Безусловно, что Н.М. никогда не стоял на месте и развивался (не терял способности к развитию) до самых поздних лет. Я думаю, в этом отношении очень полезен был бы анализ его проблемных статей - с одной стороны, и анализ его "Истории развития литогенетических идей ..." - с другой.

30. Лишь очень немногие сейчас знают и помнят, какую большую лепту вносил Н.М. в работы многих своих учеников и сотрудников — здесь речь идет о прямом участии в написании работ (вплоть до диссертационных), а не об общем руководстве и тех или иных советах. Н.М. вообще щедро делился своими мыслями с окружающими, без боязни, что кто-то что-то у него переймет.

Из числа сотрудников, которым Н.М. много помогал, могу назвать (с достоверностью) Д.А.Виталя, Н.Г.Бродскую, Л.М.Князеву, М.А.Ратеева, В.В.Калиненко, Е.С.Тихомирову, Н.А.Лисицыну (хотя форма помощи в разных случаях была разной). Думаю, что оценка вклада Н.М. в науку будет очень неполной, если не отметить эту его сторону деятельности.

Диссертационные работы аспирантов Н.М. тщательно прочитывал, многое правил сам, многое заставлял переделывать. Он всегда больше всего боялся, что будут судачить, что от Страхова вышла на защиту слабая работа. Объективно помощь отца часто была чрезмерной и лишала начинающих ученых должной самостоятельности — но по своей натуре (характеру, темпераменту) Н.М. поступать иначе не мог; надо однако отметить, что он сам понимал, что поступает не вполне разумно.

Надо также иметь в виду стиль (если так позволено будет выразиться) создания подавляющего большинства коллективных монографий, выполнявшихся под руководством Н.М.^{х)}

Во-первых, почти все он писал лично сам, в том числе и те разделы, которые шли в окончательный текст под фамилиями его соавторов. Я думаю, этот факт легко может быть установлен лингвистическим анализом.

Во-вторых, общая стратегия исследования (что и как надо изучать, какие проводить анализы и как их обрабатывать) задавалась им с самого начала и практически всегда неуклонно выдерживалась.

^{х)} Таким был стиль создания, по моим наблюдениям, монографий по современным осадкам (54 г.) и марганцевым рудам.

В-третьих, подавляющее большинство итоговых выводов, на основании всех материалов и результатов публикаций других авторов, им тщательно продумывалось лично и лишь потом в готовом (или почти готовом) виде сообщалось остальным авторам.

Конечно, Н.М. в процессе работы много обсуждал различные вопросы с сотрудниками (в том числе и их мысли и соображения), но окончательные решения принимал всегда сам.

Конечно, не всех такой способ работы удовлетворял (и объективно имел в себе некоторый оттенок диктатуры) и иные бывали недовольны (даже обижены), но по-другому Н.М. работать не мог.

В его оправдание можно привести ряд соображений; я ограничусь двумя:

а) Н.М. никогда не ущемлял авторского самолюбия сотрудников и не использовал их анализ и т.д. без ссылок, а тот раздел, в который соавтор вносил основной вклад, всегда имел индивидуальное авторство этого сотрудника;

б) Н.М. практически никогда не заговаривал (даже со мной!) о том, что ему приходится многое делать там, где авторами являются другие; помнится, за все время разговор об этом у нас был всего 3-4 раза.

Я думаю, что этот стиль создания коллективных монографий, который я лично наблюдал, был вообще рабочим стилем научных коллективов, возглавляемых Н.М. Некоторых, как я уже отметил, это не устраивало. Я думаю, что в этом одна из причин того, что Н.М. не создал большой личной школы (что он в старости так переживал). Самых самостоятельных (И.В.Хворову, Д.Г.Сапожникова - еще раньше) такой стиль не устраивал. К чести Н.М. надо сказать, что он подобных сотрудников уважал и не сердился, когда они начинали работать сугубо самостоятельно.

Н.М. высоко ценил оригинальные работы Г.Ю.Бутузовой и Н.А.Лисицкой, В.Н.Холодова (Это - в 60-ые и 70-ые годы).

З.И.Н.М. очень не любил, когда начинался разговор о творчестве, о вдохновении и т.д. Он считал, что надо просто работать. Сам он

непрерывно творил и это казалось ему делом совершенно обыкновенным. Однако он любил читать книги о великих ученых (из серии "Жизнь замечательных людей" и многие другие; в его библиотеке было много подобных изданий 20-х и 30-х годов); многие биографии он хорошо помнил; очень нравилась ему книга В.Оствальда "Великие люди".

Я думаю, что если принять классификацию Оствальда, то Н.М. надо отнести к числу классиков, хотя по объему творчества он ближе к романтикам.

32. Н.М. не любил фотографироваться; в год перед смертью он уничтожил (в период одной из депрессий) почти все свои фотографии. Осталось только три, середины 60-х годов, помнится - работы Наппельбаума. Некоторые фотографические портреты имеются в прижизненных изданиях - в "Вестнике АН СССР" за 1954 г. (портрет в ряду других вновь избранных академиков), в книге по развитию советской науки (в середине 70-х годов), в "Вестнике" в связи с присуждением Золотой медали Карпинского и т.д.

Портреты Наппельбаума хорошо передают внешность Н.М.; последняя всегда поражала своей впечатляющей интеллектуальностью - и не только сократовским лбом, но и всем неуловимым выражением лица, густыми бровями, очень серьезными глазами. Вообще Н.М. чаще всего был серьезен и сосредоточен, в нем никогда не было ничего похожего на инфантильность.

Роста Н.М. был среднего - 175 см, чуть полноват, движения его были неторопливыми, но не замедленными; резких движений он никогда не делал.

Начиная с начала 50-х годов, он обычно ходил гулять с палкой - сначала по причине болезни ноги, потом из-за проктосигмоидита, а затем уже по старости.

Одевался Н.М. очень просто, шаголять не любил. Наверное, в последние годы жизни он даже имел некоторое пренебрежение к одежде, хотя всегда был очень опрятен и любил чистоту (и в этом отношении

непрерывно следил за домработницами).

Питался он всегда очень просто, чему приучал и своих детей; лишь в последние 7-8 лет жизни он как-то стал любить "вкусненькое".

Очень любил тюрю - кусочки хлеба, лук, растительное масло и вода (особенно в последние годы жизни).

33. Н.М. был патриотом советской науки - в лучшем смысле этого слова. Критическое восприятие чужих работ не оставляло его и при чтении работ зарубежных авторов. Н.М. очень гордился тем, что хотя много фактического материала поступает от зарубежных исследований, но вопросы методологии и обобщающие концепции (в литологии) разрабатываются в СССР. Был очень рад, что "Основы теории литогенеза" переведены на английский язык и много раз говорил, что это служит свидетельством мирового признания советских работ. Очень всегда сокрушался, что уровень экспериментального оборудования, техники у американцев (и других) выше, чем у нас, но очень бывал доволен, когда на основании анализа опубликованных на Западе материалов получались новые выводы. "Слона-то они и не заметили!" - говорил он в таких случаях.

В зарубежные поездки Н.М. не ездил, по-моему, не столько из-за состояния здоровья (на что он всегда ссылался), а по причине боязни показаться несовременным в некоторых аспектах - не владел разговорным языком, считал (и наверное напрасно), что мало знаком с иностранными исследованиями.

34. Можно было бы написать еще и многом - но это я пока откладываю до будущих времен. Отмечу лишь одно - Н.М. был страстным борцом в науке, имел, как теперь принято выражаться, активную жизненную позицию в науке.

Об этом свидетельствует и большое число печатных дискуссий, которые вел Н.М. на протяжении своей жизни (с Б.П.Кротовым, Г.И.Теодоровичем, К.К.Зеленовым, Л.Б.Рухиным, Б.П.Казариновым, А.Б.Роновым, А.П.Лисицыным), и большое число критических разборов выводов других

ученых; разборов, разбросанных по книгам и статьям Н.М.

Н.М. умел не только строить, но и разрушать то, что казалось ему неправильным. При этом он всегда был предельно искренен и я ни разу в жизни не наблюдал случая, чтобы он затевал критику по каким-то личным мотивам.

Но в характере Н.М. было нечто бойцовское, он любил "подражаться" и часто вступал в дискуссию там, где многие и не подумали бы. Часто его от дискуссий отговаривали (с К.К.Зеленовым, например, с А.Б.Роновым), но он был непреклонен.

Много сил и здоровья отняли у Н.М. дискуссии с Л.В.Пустоваловым (об этой дискуссии я когда-нибудь напишу подробнее) и (в последние годы жизни) с А.Б.Роновым и А.П.Лисицыным, особенно последняя. Я, например, много раз отговаривал его от этой последней дискуссии, ибо видел, как много она отбирает у него его силы, но отец был непреклонен.

Должен отметить, что и в многочисленных беседах с гостями-учеными, особенно в конце 50-х - в 60-х годах, отец давал много критических работ других авторов, часто очень и очень титулованных и чтимых. Разборы эти всегда бывали точны и убедительны - было видно, что они тщательно продуманы, а не возникали спонтанно. Тут я хотел бы особо отметить, что, в отличие от общераспространенного стиля, Н.М. всегда критиковал не личности авторов (и не высмеивал их), а лишь ошибки тех или иных построений. Должен еще и еще раз отметить, что критика чужих работ была очень сильным качеством Н.М. как ученого; от нее он отправлялся в своих собственных работах не в меньшей степени, чем от фактического материала анализов и т.д. Критика во многом служила отправным пунктом для обобщений; анализ чужих погрешностей для Н.М. в значительной мере был трамплином для обобщений.

35.Н.М. всегда считал (до самых последних дней жизни), что единственным непонятным ему фактом в его научной деятельности было то,

что его понимание фформаций почему-то не было воспринято большинством ученых. Он был убежден, что это его понимание фформаций глубже и правильнее, чем понимание Н.С.Шатского, Н.П.Хераскова и других тектонистов. Думаю, что и сейчас работам Н.М. по фформациям уделяется недостаточное внимание.

Гипотезу неорганического происхождения нефти считал просто чепухой.

К концепции спрединга был совершенно равнодушен и она практически даже в домашних беседах с другими учеными не обсуждалась, равно как и другие геотектонические гипотезы.

Н.М. не любил "математизацию" геологии в духе А.Б.Вистелиуса, считал это "пустым делом". Книгу коллектива новосибирцев "Геология и математика", в свое время наделавшую много шума и раза два обсуждавшуюся с гостями-учеными (кажется, с Н.Б.Вассоевичем и В.В.Тихомировым) даже не стал читать.

Во главу угла Н.М. ставил генетические исследования, изучение процесса. Помню, в середине 50-х годов, когда в ГИН'е по инициативе Н.С.Шатского была поставлена проблема "Закономерности размещения полезных ископаемых", Н.М. сильно критиковал ее как попытку подменить изучение генетических основ фформальным изучением площадных связей.

36.В последние годы жизни (после 67 г.) Н.М. практически не ездил на выборы академиков и членов-корреспондентов, ссылаясь на болезни (но часто просто по тому, как мне кажется, что эта процедура была для него неприятной - он не любил предвыборной и выборной "возни", как он выражался). Хотя, конечно, уйти от этого дела полностью он не мог и эти вопросы ему приходилось обсуждать. Очень всегда сожалел Н.М., что в академию не были избраны А.А.Богданов, В.Е.Руженцев, что не был избран в академики В.В.Белоусов. Этих троих он считал очень большими учеными - выше многих более титулованных.

37. Настоящая дружба связывала Н.М. с очень немногими. Мне кажется, ближе всего ему были Е.В.Шанцер (особенно в 40-ые и 50-ые годы; потом отношения как-то ослабевали), Влад. Серг. Яблоков, С.М.Андронов. С В.С.Яблоковым у Н.М. был период размолвки, который Н.М. очень переживал, но перед смертью В.С.Яблокова они помирились - и я помню, что Н.М. даже плакал после посещения В.С. в больнице.

Вообще Н.М. очень помнил и ценил всех, кто с самого начала поддерживал его в дискуссии с Пустоваловым.

Хотя Н.М. не был злопамятен, но Л.В.Пустовалова он не любил всю жизнь и не был опечален (хотя и не радовался, конечно), смертью последнего.

Очень теплые и хорошие отношения были у отца с А.И.Москвитиним, к которому он не раз ездил в гости (что он делал вообще не часто).

Много помогали (и по работе, и в личном плане) Н.М. Калерия Борисовна Соколова, его секретарь в 60-х и начале 70-х годов, и Лазарь Ефимович Штеренберг, которым он всегда был признателен. Л.Е.Штеренбергу он (в последний год жизни) очень хотел помочь с докторской диссертацией (так как оценивал ее как среднюю), но не успел этого сделать.

В последние годы жизни (примерно с 70 г.) основным учеником и помощником Н.М. был Владимир Николаевич Холодов; его Н.М. считал самым способным (с широким кругозором) продолжить работы (Н.М.) в будущем.

38. В 1965 г. в одном из разговоров со мной Н.М. сказал: "Удивляюсь, как это многие крупные ученые не могут во-время отойти от научной работы и последние годы жизни выполняют лишь посредственные работы; я этой ошибки не сделаю". Н.М. был намерен поработать еще 3-5 лет и затем уйти на пенсию. Вышло по-другому, и я думаю, что Н.М. своими последними работами 70-х годов несколько не уронил своей репутации выдающегося ученого.

Не заниматься наукой Н.М. просто не мог, и хотя в начале 70-х годов делал попытки выйти на пенсию и передал заведывание лабораторией В.Н.Холодову, но внутренне не мог расстаться с привычным образом жизни, и ушел на пенсию только с января 78 г., то есть за полгода до смерти. Надо сказать, что и в эти полгода он изредка работал, но после инфаркта 77 г. ему было уже очень тяжело. Он чувствовал приближение смерти и очень сожалел, что не доживет до выхода из печати тома "Химия океана", в котором он написал большую часть по океанскому литогенезу.

39. Н.М. был проникновенным ученым, но в жизни оценивал людей далеко не всегда верно — по-видимому потому, что был далек от мелких сторон жизни и судил о других по тем близким хорошим людям, которые в основном его окружали. Особенно много разочарований имел Н.М. в 60-ые годы в женщинах. Так было с З.В.Тимофеевой и Л.В.Власовой, которыми он увлекался в начале 60-х (через полтора-два года после смерти матери) и в конце 60-х годов (в 67-69 г.г.) — соответственно.

В 1969 г. Н.М. написал объемистые (почти в 200 стр., как он мне потом говорил) воспоминания, которые были доведены до конца 30-х годов, были также описаны отдельные факты последующей жизни. Он дал их почитать Л.В.Власовой, но они ей не понравились, и Н.М. воспоминания уничтожил, о чем он впоследствии очень сожалел. Остались два небольших отрывка, которые я сохраняю.

Вообще Н.М. очень хорошо помнил детство, г.Болхов, и много рассказывал о детстве и университетских годах в последний период жизни.

40. Очень хочется сказать об отношении отца к некоторым другим крупнейшим ученым. Вообще отец редко кого сильно хвалил — его критическое восприятие всего не отказывало ему никогда.

Очень высоко ценил Н.М. Андрея Дмитриевича Архангельского, считал его своим ^{единственным} учителем и был благодарен ему за многократную личную помощь (по инициативе А.Д. он остался во МГУ, потом был приглашен

в ГИН; он был представлен А.Д. к степени кандидата без защиты диссертации, по инициативе А.Д. Н.М. был оставлен на действительной службе в период болезни 37-39 г.г. и т.д.). Однако к концу жизни оценка работ А.Д. у Н.М. несколько изменилась - ибо он установил, что ряд основных литологических работ А.Д. оказались неверными (и это нашло отражение в книге "Развитие литогенетических идей ..."; критику работ А.Д. многие литологи старшего поколения встретили не-доброжелательно).

Н.М. хотя и скрывал, что с очевидностью несколько завидовал успеху и популярности Н.С.Шатского, особенно его ораторскому таланту, что, конечно, не мешало ему глубоко уважать его.

М.С.Швецова отец весьма чтит, но удивлялся, почему М.С. в основном увлекается фактографией.

Очень высоко Н.М. чтит В.И.Вернадского, перечитывал его труды и биографии, хотя считал, что биогеохимическая концепция Вернадского неадекватна природе и ее значение преувеличено.

С глубоким уважением относился отец к А.Е.Ферсману, А.Н.Заваришскому, Д.С.Коржинскому, А.Г.Бетехтину, Л.А.Зенкевичу.

Никогда не считал серьезным ученым А.В.Сидоренко, трактуя его чистым администратором и случайной фигурой в академии.

41. Н.М. частенько был зол на язык; помню, после избрания одного геолога в академики (не буду называть фамилию) он выразился так: "Калигула ввел коня в сенат, а такого-то ввели в академию". Вообще Н.М. был несдержан на язык, его высказывания часто доходили до предметов этих высказываний, что создавало ему массу врагов. У меня сложилось впечатление, что при жизни Н.М. многие побаивались и за прямоту, и за умение дать критический разбор, и за язык. Многие завидовали его громадному научному авторитету.

Такое отношение четко проявилось после смерти, когда на ряд заседаний, посвященных памяти Н.М., большинство титулованных ученых

не появлялась.

42. Все ученые-геологи, с которыми так или иначе соприкасался Н.М., безусловно глубоко уважали его и как ученого, и как человека. Но мне кажется, что иногда к этому примешивалось и нечто иное — он был слишком крупен для большинства из них. Чтобы пояснить свою мысль подробнее, позволю привести себе одну выдержку из Плутарха ("Сравнительные жизнеописания" т. I, 1961, "Аристид и Марк Катон").

УП. "Прозвище Справедливого, вначале доставлявшее Аристиду любовь афинян, позже обратилось в источник ненависти к нему, главным образом потому, что Фемистокл распространил слухи, будто Аристид, разбирая и решая все дела сам, упразднил суды и незаметно для сограждан сделался единовластным правителем — вот только что стражей не обзавелся. Да и народ, чванясь своей победой и считая себя достойным всяких почестей, с неудовольствием взирал на каждого, кого вышала над толпой слава или громкое имя. И вот, сойдясь со всех концов страны в город, афиняне подвергли Аристида ostracism, скрывши ненависть к славе под именем страха перед тиранией. Ostracism не был наказанием за какой-нибудь низкий поступок; благопристойности ради он назывался "успокоением и обузданием гордыни и чрезмерного могущества", но по сути дела оказывался средством утишить ненависть, и средством довольно милосердным: чувство недоброжелательства находило себе выход не в чем-либо непоправимом, но лишь в десятилетнем изгнании того, кто эти чувства вызвал ...

... Обыкновенно суд происходил так. Каждый, взяв черепок, писал на нем имя гражданина, которого считал нужным изгнать из Афин, а затем нес к определенному месту, обнесенному со всех сторон оградой. Сначала архонты подсчитывали, сколько всего набралось черепков; если их было меньше шести тысяч, ostracism признавался несостоявшимся. Затем имена раскладывались порознь, и тот, чье имя повторялось наибольшее число раз, объявлялся изгнанным на десять лет без конфискации имущества.

Рассказывают, что когда надписывали черепки, какой-то неграмотный, неотесанный крестьянин протянул Аристиду - первому, кто попался ему навстречу, - черепок и попросил написать имя Аристида. Тот удивился и спросил, не обидел ли его каким-нибудь образом Аристид. "Нет, - ответил крестьянин, - я даже не знаю этого человека, но мне надоело слышать на каждом шагу "Справедливый" да "Справедливый"!". Уже покидая город, он Аристид воздел руки к небу и произнес молитву, противоположную той, с какой некогда обращался к богам Ахилл: он молился, чтобы никогда не пришел для афинян тяжелый час, который заставил бы их вспомнить об Аристиде".

43. Похоронен Н.М. в семейной могиле на кладбище при крематории на б. Донском кладбище, вместе с отцом, матерью и братом. По его просьбе специальный памятник на могиле не ставится.

Библиотеку его по геологии, по его просьбе (точнее - остаток библиотеки, ибо значительная часть - все, что находилось в кабинете Н.М. в ГИН'е - было передано Ю.А.Косыгину, в Ин-т тектоники и геофизики в Хабаровске) я передал в Библиотеку ОГПН.

Только одна просьба отца (многократно повторяющаяся им на протяжении двух последних лет) - не возить его тело на гражданскую панихиду в Ин-т - не была мною выполнена. На панихиде очень взволнованно говорили И.В.Хворова, Д.Г.Сапожников, А.А.Аксенов.